
Павел ЛУКЬЯНОВ

* * *

Какая глупость, это просто пруд,
куда мои потомки не придут,
стоит вода, мерещится туман,
союз беспочвенный разъединенных стран.
Здесь диалог ведется неживой,
день охладел под лунною плитой,
здесь ночь стоит уже столетье как,
природа лишь бессменна, как маяк,
в диапазоне полной тишины
слова слабеют, лучше не пиши.
И я там был, и до сих пор там есть
моя неустановленная смесь,
смесь упрощенных смыслов и идей
и тени слов бессмертные людей.

* * *

Пустота в пустоте с пустотой
запустили пустое движенье,
скоро лес победит над рекой
тишину своего отраженья.

Будет день, будет дан, будет даль
отдаляться на слез расстояние,
это поле случится со мной,
эта жизнь происходит заранее.

Человек через век на реке
ощутит что-то схожее с нами,
но узнает он только себя,
повторив наши жесты руками.

Одинок целый век человек,
одинокчество — слабый учитель,
продолжается мыслей разбег
по свободной от счастья орбите.

Павел Александрович Лукьянов родился в Москве в 1977 году. Поэт, писатель, кандидат технических наук (МГТУ им. Баумана). Работал на Криогенмаше, на Магнитогорском металлургическом комбинате, в Центре ядерных исследований (Женева), на синхротронном ускорителе (Барселона). Публиковался в журналах «Знамя», «Арион», «Prosodia», «Континент», «Опустошитель», «Иностранная литература», «Москва», «Дети Ра». Автор пяти книг стихотворений. Живет в Москве.

* * *

Смерть моя, иль ты приснилась мне,
роком идущая в стране,
кальцием молчащая в костях,
ветром и погодой в новостях?

Жизнь моя, иль ты идешь ко мне
полностью в неисполнимом сне?
Мир как представление в неволе,
первый день в моей последней школе.

Клеть моя, или я снюсь тебе
соколом в разрушенном окне,
где луна помножена на ноль
и моя непостижима роль?

Через миг закончится земля,
вечность, эта строчка и семья.
Все, что снилось, станет наяву
тем, чем я отныне не живу.

* * *

Молча старается время
быть безотрадным со всеми.
Вечная песенка спета,
жизнь заменила поэта.
Нас размывают прибои
черного-черного моря,
и в тесноте бытия
нас ожидает земля,
не допуская вовек
мысли, что жив человек.

* * *

Море не волнуется, только человек
в странном состоянии свой проводит век.
В некоем ожидании тянутся года,
как не подходящее время никогда.
В этом представлении, в пестрой смене дней
спутанные чувства с каждым днем мертвей.
Воздух как спасение, окружив, стоит,
сердце как растение за стеной шумит.
В черном-черном космосе вспыхнула звезда,
как недостижимое раз и навсегда.

* * *

Бессилие съедает память
до унижительных глубин,
проснешься утром, а под вечер
уже останешься один.
Потише, барин, вы не дома,
а в инферналии судьбы,

горит беспомощность во мраке,
не освещая ход борьбы.
Садится память, словно солнце,
теряет форму прошлый век,
и мир, прикинувшийся прежним,
глядит во тьму, как человек.